

Ю. Л. Василевская

РОЛЬ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ В СТРУКТУРЕ РОМАНА Л. М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

*Работа представлена кафедрой филологических основ издательского дела и документоведения
Тверского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. А. Редькин

В статье рассматривается малоисследованный до сих пор вопрос о влиянии на роман Л. Леонова «Пирамида» «Божественной комедии» Данте Алигьери. При наличии множества отсылок к дантовскому тексту одной из основных примет этого влияния становится последовательная реализация в романе системы «двойного руководства», нашедшей художественное воплощение в «Божественной комедии».

Ключевые слова: Леонов, «Пирамида», Данте, «Божественная комедия».

Yu. Vasilevskaya

ROLE OF “THE DIVINE COMEDY” BY DANTE IN THE STRUCTURE OF L. LEONOV’S NOVEL “THE PYRAMID”

The author considers the uninvestigated question about the influence of “The Divine Comedy” by Dante Alighieri on L. Leonov’s novel “The Pyramid”. With the presence of a great number of references to the Dante’s text in the novel, consistent realisation of the “double guidance” system, which was embodied in “The Divine Comedy”, becomes one of the basic signs of this influence.

Key words: Leonov, “The Pyramid”, Dante, “The Divine Comedy”.

Проблема интертекстуальности романа Л. М. Леонова «Пирамида» продолжает привлекать к себе внимание литературоведов. Одним из самых популярных и перспективных направ-

лений в подобных исследованиях является вопрос о традициях Ф. М. Достоевского в последнемleonовском романе. Не менее жаркие споры вызывает проблема влияния апокрифи-

ческой книги Еноха на роман «Пирамида» или, иными словами, особенности взаимопроникновения «канонического» (библейский) и «неканонического» (апокрифический) пластов.

Одним из актуальных по-прежнему остается вопрос об особенностях влияния на «Пирамиду» «Божественной комедии» Данте.

Рассуждая о судьбе «Божественной комедии» в России, исследователь А. А. Асоян [1] писал, что, возможно, именно отсутствие авторитетных стереотипов восприятия «Комедии» и послужило предпосылкой очень личностного, непредвзятого отношения к поэме Данте, его судьбе и всему творчеству. Итальянский поэт был «прочитан» в свете проблем национальной культуры. Его католицизм словно и «не услышали» в православной стране. Пожалуй, единственным исключением из русских писателей стали Эллис и Вяч. Иванов, которые чутко реагировали на особенности художественного сознания Данте, обусловленные религиозным вероучением Запада. Других же волновали прежде всего нравственный пафос «Божественной комедии» и ее универсализм, народные корни поэмы и эстетическое своеобразие дантовского космоса, художественная мощь образов «Ада» и спасительная идея любви. Неукротимая свобода духа, гражданская доблесть и жажда духовного преобразования, бытийственная философия и крестный путь через тернии к звездам – вот что было определяющим в «русском» Данте. При этом в поле зрения почти никогда не вовлекались чисто филологические проблемы. Ими занималась европейская дантология. Ее профессионализация нередко вела к утрате целостного художественного впечатления. «Комедия» рассматривалась как религиозная эпопея (Г. Гегель) или как «герметический» текст (Г. Россетти). Порой в ней видели законченное выражение философии католичества (Ф. Озанам) или сужали ее значение границами средневековой эпохи (Дж. Кардуччи). Для русских же Данте был прежде всего поэтом справедливости в самом широком смысле этого слова.

О влиянии «Божественной комедии» на роман Л. Леонова «Пирамида» писали такие учёные, как В. И. Хрулёв [8], А. И. Михайлов [6],

О. Овчаренко [7], В. П. Крылов и Н. В. Крылова [3], Г. Н. Ионин [2], А. Г. Лысов [5] и др. Однако их замечания носят фрагментарный характер, и полноценного исследования этой проблемы пока не существует.

Несомненно, в тексте романа существует масса отсылок к «Божественной комедии». Например, упоминание «парольной прописи при входе в святилище современной астрофизики сродни знаменитому Дантову заклятью на воротах ада» [4, т. 1, с. 173]. «Дантовским шелестом губ» [4, т. 1, с. 658] просят «бите-тика» люди, не попавшие на представление Бамбы. Сюда же можно отнести высказывание Никанора Шамина о «световой горе» [4, т. 1, с. 174] посреди бездны, являющейся мечтой всех изгнанников, в том числе и потомков Адама, в которой легко узнается гора Чистилища с Земным Раем на ее плоской вершине. Наконец, «Пирамида» для Леонова, как и «Божественная комедия» для Данте, являлась своего рода произведением-«самоопределением» [5, с. 214–215].

Интересно, что в «Пирамиде» нет отсылок к последней кантике «Комедии» – «Раю». Она здесь, по сути, оказывается «выключенной».

Структурно параллель «Данте – Вергилий» просматривается в парах «Леонов-персонаж – Никанор Шамин», «Вадим – его проводник по сверхсекретной стройке», «Никанор Шамин – Шатаницкий». Всего же в романе выделяются четыре «Данте» – Леонов-персонаж, Никанор Шамин, Вадим, Дуня. Все они «творцы», и все они кем-то «ведомы».

Вергилий, проводник поэта через Ад и Чистилище к Земному Раю, – это символ разума, направляющего людей к земному счастью. Но вечное блаженство и полноту мудрости, по убеждению Данте, может дать человеку только Божественное откровение, олицетворенное в Беатриче. Идеология «Божественной комедии» и основная ее аллегория, воплощаемая в образах Вергилия и Беатриче, тесно связаны с доктриной Данте о двойном руководстве, которая изложена им в заключительной главе «Монархии». Провидение установило две цели, к которым должен стремиться человек: блаженство земной жизни, состоящее в упраж-

нении собственной добродетели (Земной Рай), и блаженство жизни вечной, состоящее в лицезрении Божества, недосягаемое для собственной добродетели без помощи Божественного озарения (Небесный Рай). К земному блаженству человека приводят философские наставления, призывающие его упражняться в естественных добродетелях, а к небесному блаженству – наставления духовные, превосходящие человеческий разум и научающие его богословским добродетелям. Для указания верного пути человечеству необходимо двойное руководство: первосященника, который, следя Небесному откровению, вел бы человеческий род к вечной жизни, и императора, который, следя наставлениям философии, направлял бы его к временному блаженству.

В «Пирамиде» персонажи, исполняющие роль «Вергилия» («гид» Вадима, Шатаницкий, Никанор Шамин), представляют собой именно тот «разум», который должен направить людей к земному счастью. Оно здесь понимается вполне однозначно: всеобщая «уравниловка» (вплоть до генетического уровня), опирающаяся на «философию» большевизма.

Одним из сложнейших и неоднозначных образов романа является образ Никанора Шамина, который попеременно принимает на себя роли то «Данте», то «Вергилия», при этом в последней чувствуя себя более «органично»: «На ощупь и остupаясь, словно в дремучем Дантовом лесу, покорно тащился я за своим поводырем. Манящие огоньки наваждения, мелькавшие за стволами сказочного обхвата, воочию убеждали в близости желанного клада, который без терпения не дается никому. Однако колдовская одурь понемногу уступила место робкому сомнению – не дурачит ли меня этот с очевидными задатками провинциальный увалень, из которого его шеф, призванный мастер философского носовождения, растит пророка какой-то еще неведомой миру, в качестве панацеи ото всех бед, сумасбродной идеи?..» [4, т. 1, с. 171].

Здесь надо отметить, что в «Божественной комедии» Данте (как герой поэмы) выступает не только в качестве рассказчика (то есть «автора»), но и в качестве хранителя чужих исто-

рий, вестника, призванного донести до живых наказы умерших. Поэтому неслучайно Вадим говорит Никанору, что «наверно, и Дунька-то наша к тебе привязалась за всепоглотительную емкость молчаливой памяти твоей, где, конечно, ничто не пропадет как в подземном храмилище, а безвестно копится для кого-то впереди...» [4, т. 2, с. 99]. В «Пирамиде» все мысли и слова героев «замыкаются» на Никаноре, передаются через него, «складываются» в него, как в сосуд. Принимая участие в «сбережении» чужих идей, пропуская их через себя и тем неминуемо изменения, он сам становится «соавтором» для тех концепций, которые доверяются ему для хранения.

Естественно, здесь возникает вопрос о Беатриче, втором «поводыре». Исследователи-леоноведы утверждают, что сблизить Дуню и Беатриче можно только на функциональном уровне. В. П. Крылов и Н. В. Крылова [3, с. 203–204] выделяют пару «Дуня – Дымков», понимая отношение «Данте – Беатриче» как отношения между творением и творцом. Но здесь следует отметить, что в «Божественной комедии» оно осложнено помимо одностороннего творческого влияния тем, что Беатриче – это еще и «Божественное откровение», которое только и может дать полноту мудрости. А «откровением» Дуниных видений пользуется не Дымков (выступающий здесь в роли проводника), а Никанор Шамин, строящий на их основе свою модель мироздания. Сам же Дымков по отношению к Дуне является, как это не парадоксально и «Беатриче» (как проводник по мирам, расположенным внутри загадочной колонны, и обладатель Божественного откровения), и «Данте» (как объект творческого усилия Дуни). «Откровения» своей «Беатриче» Никанор воспринимает в типично «шаминском» духе: он переосмысливает их, чтобы они органично включались в его собственную «Комедию»: «Но если в любом рассказе неминуемо, хотя бы в качестве наблюдателя, присутствует сам автор, то в дошедших до нас эпизодах сугубо урбанистической эпохи, по ряду не только стилевых улик, явственно замечается его [Никанора Шамина] прямое, сюжетное в них участие. Начать с того, что ему одному принадле-

жит клеветнический подбор якобы подсмотренных Дунею событий в придуманной им биографии людей. Чего стоит пародийное, на наши дни, изобретение пресловутых башен в *внушения*? <...> По счастью, эти соображения позволяют нам воспринимать приведенные выше сомнительные пророчества как личностный портрет самого Никанора Шамина» [4, т. 2, с. 343–344].

Фигура Никанора Шамина примечательна еще и тем, что в нем сливаются оба влияния — «Вергилий» (Шатаницкий) и «Беатриче» (Дуня), но он, как уже было сказано, переосмысливает результаты этих влияний, «редактирует» их. Леонов-персонаж через посредничество Шамина также ведется двумя проводниками, но линия влияния «Беатриче» здесь ослаблена из-за большего количества «посредников», один из которых (Никанор Шамин) к тому же является «редактором». Это он предлагает Леонову-персонажу написать книгу о «небесном расколе», чтобы «по возможности срочно и наглядно предупредить род людской о генеральной яме на его столбовой дороге к так называемым звездам» [4, т. 1, с. 178]. Слово «звезды» опять-таки отсылает к «Божественной комедии»: как известно, все три ее кантики заканчивались именно этим словом.

Вадим Лоскутов становится автором сразу нескольких творений: например, стихотворения «Икар» «с чисто провидческим посвящением самому себе» [4, т. 2, с. 45] или «небольшой повестушки» [4, т. 2, с. 160] о фараоне Хеопсе. Его путешествие на некую сверхсекретную стройку, без сомнения, является подобием путешествия Данте в ад. На это указывает хотя бы такая деталь, как котлован в виде ступенчатой воронки [4, т. 2, с. 172]. Стойка вызывает ассоциации с «царством призраков», где «не слышны ни лязг, ни плач, ни смертный вздох и выстрел» [4, т. 2, с. 180]. Гигантскую статую, которая возводится здесь в честь Вождя, гид любовно называет «наш Ваал». В подобном смысловом «освещении» по-иному воспринимается известная лагерная формулировка, «местная заповедь» — «ни о чем не скучли, не надейся, не жалей, не жалуйся, не жди» [4, т. 2, с. 181]. Она перекликается с надписью

на вратах дантова Ада: «Входящие, оставьте упованья» (в переводе М. Л. Лозинского). Однако существуют и отличия: начиная со времени пребывания (ночь вместо полных суток), особенности передвижения героев (преобладает горизонталь и движение вверх) и кончая тем, что «Вергилий» Вадима оказывается одним из «бесов». В итоге ключевые моменты Вадимова спуска «в преисподнюю» оказываются «вывернутыми наизнанку». Частично это объясняется тем, что путешествие было навеяно болезненным бредом.

У «Данте»-Вадима есть своя «Беатриче»: «Ты и представить себе не можешь, Ник, как с детства боялся я, что дней у меня не хватит истратить любовь мою к ней...<...> Что-то не заладилось у меня с ней, переоценил свои возможности: обширна слишком, ума и рук не хватает обнять такую... А если только верить, то во что?» [4, т. 2, с. 142] «Вера» для Вадима — категория ненадежная, обманная, почти ложная. Поэтому любовь к «Беатриче»-России, которая им воспринимается именно как недосыпаемая возлюбленная, для него мучительна.

Таким образом, мы видим, что «цепочка влияний» «Беатриче — Данте — Вергилий» воспроизведена в «Пирамиде» неоднократно, и все ее реализации сцеплены между собой в единое целое. Роль «Данте» принимают на себя Леонов-персонаж, Никанор Шамин, Дуня и Вадим Лоскутовы. При этом Дуня, потомок и прямая наследница «безумной Ненилы», не становится «полноценным» «Данте», поскольку не испытывает влияния «Вергилия», руководящего разума. Шамин и Вадим представляют собой два самостоятельных «центра», связанные лишь силой взаимного притяжения и отталкивания. В этом случае отсутствует отношение «вождь — ведомый». Шамин по отношению к Вадиму принимает на себя лишь присущую только ему роль «редактора», «переводчика».

«Беатриче» в «Пирамиде», как и в «Божественной комедии», олицетворяет ведущую человека веру. Здесь это Дымков, еще не потерявший свой чудесный дар, сторож загадочной двери в неизвестное, Дуня, поднявшая свое «творение» из грязи и праха человеческого

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

тела, и Россия, в которую «можно только верить» (отсылка к известным тютчевским строкам не подлежит сомнению).

«Разум» в романе рисуется как противник веры, что, естественно, отличается от решения образа Вергилия у Данте. «Разум», который, по Данте, должен был подготовить человека к восприятию «Божественного откровения», в «Пирамиде» подменяет собой «Божественное откровение», отрицая саму его необходимость. Все «Данте» «Пирамиды», кроме, пожалуй,

Дуны, оказываются заражены рационалистическим духом, порождающим наваждение. Поэтому в их «Комедиях» столь сильно влияние «слова» Шатаницкого.

Представления Данте о двойном руководстве для человечества в «Пирамиде» преобразованы в совершенно ином ключе: опальный «первосвященник» (о. Матвей) сам поддается влиянию рационалистических идей, а «император» (Сталин) пытается возвести «временное блаженство» в ранг «вечного».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асян А. А. «Почтите высочайшего поэта...»: Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М.: Книга, 1990. С. 215.
2. Ионин Г. Н. Оптимизм мировой классики и роман «Пирамида» // Роман Л. Леонова «Пирамида»: Проблема мирооправдания. СПб.: Наука, 2004. С. 311–320.
3. Крылов В. П., Крылова Н. В. Типологические приметы и особенности художественного мышления автора романа «Пирамида» // Там же. С. 194–209.
4. Леонов Л. М. Пирамида: В 2 т. М., 1994. Ссылки приводятся в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.
5. Лысов А. Г. Последний автограф («Пирамида» как роман-самоопределение) // Роман Л. Леонова «Пирамида»: Проблема мирооправдания. СПб.: Наука, 2004. С. 209–227.
6. Михайлов А. И. Литературные блоки романа «Пирамида» // Там же. С. 321–334.
7. Овчаренко О. А. Роман Леонида Леонова «Пирамида» и мировая литература // Наш современник. 1994. № 7.
8. Хроники Леоновских семинаров и конференций в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (1995–2002) // Роман Л. Леонова «Пирамида»: Проблема мирооправдания. СПб.: Наука, 2004. С. 359–454.